

К вопросу о почитании нового страстотерпца благодарного князя Симеона Пожарского.

Храбрый русский князь Семен Романович Пожарский, погибший под Конотопом в 1659 году, был одним из тех редких народных героев, память о котором сохранилась в старинной песне. Однако не только в песне прославлено его имя. В приложении к одному из списков рукописного Летописного свода 1652 г. имеются тексты тропаря и кондака, специально составленных «новому страстотерпцу... благодарному князю Семиону Пожарскому»¹.

Историческая справка:

Пожарский Семен Романович (ок.1618-1659) князь, окольный и воевода. На царской службе упоминается с 1634 г. В 1645 г., будучи воеводой Курска, отличился в боях при отражении набега крымских татар. Он, единственный из воевод, находившихся на Белгородской укрепленной черте, смог организовать отпор татарам и освободить захваченный ордынцами полон. В 1646 г. князь возглавил астраханских служилых людей и донских казаков в походе против татар и ногайцев под Азов. В нескольких сражениях разбил крымских царевичей в боях на Дону, предотвратив большой поход татар на русские земли. В 1654 г. командовал Сторожевым полком в армии князя А.Н.Трубецкого в Литовском походе, участвовал в штурме Мстиславля и в битве при Шепелевичах. В походе на Литву в 1655 г. разбил литовцев при Тинковичах. В войне против Швеции принимал участие в осаде Дерпта (1656), нанес поражение шведам в рейде на реке Пыбе. С сентября 1658 года являлся вторым воеводой в армии князя Ф.Ф.Куракина, направленной против мятежного гетмана Войска Запорожского И.Выговского. В апреле 1659 г. разгромил Прилуцкого полковника П.Дорошенко под Сребным, участвовал в осаде Конотопа. 28 июня 1659 г., командуя конным отрядом, в ходе разведки боем, попал в засаду устроенную войсками крымского хана под Торговицей. В ходе ожесточенного сражения, окруженный многочисленным врагом, взят в плен. На следующий день казнен по приказу хана Мухаммед-Гирея за дерзкие слова в его адрес. Герой народной песни «Гибель князя Пожарского» (другое название - «Под Конотопом под городом»), в которой князь изображен в образе былинного русского богатыря.

Так каким же образом погиб князь Семен Романович Пожарский и был ли он канонизирован русской православной церковью?

«Новгородский хронограф» о гибели князя Семена Пожарского.

В 1658 году успешный для России ход русско-польской войны за Украину и Белоруссию был нарушен казацким мятежом на Украине. Гадячский договор, заключенный гетманом Войска Запорожского Иваном Выговским с польским королем Яном Казимиром в сентябре 1658 г., предусматривал возвращение Украины в состав Речи Посполитой.

Действия Выговского были справедливо расценены в Москве как измена, т.е. акт предательства по отношению к русскому царю, нарушение присяги подданным государя. Данное соглашение было выгодно казацкой старшине, но совсем не учитывало интересы большинства населения Гетманщины – украинских земель в пределах бывших польских Киевского, Черниговского и Брацлавского воеводств. В сепаратистском стремлении к отделению от России, изменник не нашел широкой народной поддержки. Ложью и репрессиями ему удалось привлечь на свою сторону часть рядовых казаков. Тем не менее, несмотря на все усилия мятежника, гетманские полки были слабыми и малочисленными. От скорого и полного разгрома его спасли лишь орды крымского хана и коронные польские хоругви. Против разрыва с Москвой выступила большая часть казачества, что, в конечном итоге, привело Выговского к краху и к отречению от гетманской булавы.

Весной 1659 года для борьбы с изменником Выговским в Севске была собрана русская армия, которую возглавил боярин князь А. Н. Трубецкой. В конце марта она выступила на Украину. Между тем было получено сообщение о том, что один из наиболее преданных Выговскому сторонников - наказной гетман Г. Гуляницкий укрепился в Конотопе. Выговский, рассказывали ратные люди, «Гришку Гуленицкого с черкасы и с татары прислал в Конотоп, откуда они приходят «под Путивль и под Рылеск и под Севеск, и тех городов в уездах и села и деревни жгут и разоряют, и людей побивают, и в полон емлют»².

20 апреля началась знаменитая осада Конотопа. С мятежником Гуляницким было 4 тысячи человек из Нежинского, а также частично Черниговского и Кальницкого полков. Искусной ложью и насилием, он сумел убедить казаков, что царское войско пришло затем, чтобы «гетмана и казачью старшину позабивати, права и вольности их поломати, казаков крестьянами вечными сотворити», жестоко расправляясь с теми, кто не хотел войны с Москвой.

27 июня 1659 года сторожевые сотни русских, находившиеся примерно в 10 км. от Конотопа у села Сосновка, были атакованы противником. После короткого боя крымские татары и мятежные казаки отошли.

Утром 28 июня (8 июля по новому стилю) «в другом часу дни» крымские татары и казаки, снова пришли к Сосновке, а «многие ль люди... – про то подлинно не ведомо». Князь Трубецкой с ратными людьми «вышли за обозы, и от обозов товарищи боярина и воеводы князя Алексея Никитича Трубецкого и столника князя Федора Куракина околничие с государевыми ратными людьми своих полков ходили против тех изменников черкас и татар к деревне Сосновке к переправе»³.

Основные силы русского войска остались под Конотопом. Непосредственно к Сосновке были направлены окольничие князя С. Р. Пожарский и С. П. Львов со своими конными отрядами. О том же говорит и верный сторонник Москвы гетман И. Беспалый: «А месяца июня 28 дня вестно учинилося, что Иван Выговский под Ваше Великого Государя войско подъезд свой посылает; и мы, ... обратившись з бояры против того подъезду, подъезд свой войсковой посылали, с которым войско Выговского и с татары Вашего царского Величества с войском сшедшия за Конотопом в пяти верстах в селе Сосновце, не малый задор и бой за переправую с обе стороны чинили»⁴.

Трубецкой не смог оценить масштаб угрозы и ограничился посылкой к переправе лишь конных частей. В цитируемом выше отрывке сообщения Беспалого сказано, что к Сосновке был послан передовой конный отряд – «подъезд». Это был обычный рейд с целью разведки боем. Аналогичные «вылазки» в ходе осады воеводы совершали неоднократно. У Пожарского не было ни пехоты, ни артиллерии. Выделенные ему силы предназначались не для «генеральной баталии», а для того, чтобы отогнать и рассеять малочисленного противника.

Происходившие под Конотопом события наиболее подробно и достоверно описывает исторический источник второй половины XVII века – «Новгородский хронограф».

Неизвестный автор хронографа сообщает, что у переправы «нечестиваго бусормана царя хана передовые вестовые малые полки объявились, и о том учиниша ведомость в полках князь Алексея Никитича Трубецкого с товарищи, что подъезжие люди малые тотарские близ их полков за переправую за 12 верст... В то же время окольничей князь Семен Романович Пожарской нача говорити князь Алексею Трубецкому: «Я-де еду с своим полком и проведуа, каковы люди, болшие и малые, а что буде видя против себя, и учиню с ними брань, и я-де бой тотарской знаю, каковы оне на бранех». Той же князь Семен Пожарской собрався со всем полком, что под его подраментом, и поиде против нечестиваго. А говорит князь Алексею Трубецкому: «Каково есть нам, и в тое время мне о сем помощь учини»⁵.

Тот же источник повествует о том, что Трубецкой удерживал Пожарского, говорил ему «чтоб он не ехал (за переправу?), дожидал бы о едином месте. Он же (Пожарский – *И.Б.*) не послушав и поиде с своим полком против нечестиваго варвара. И как будучи у переправы, и в тое время за переправую малые люди показались, и той князь Семен Пожарской поиде за переправу и ополчился против нечестивых, чающее малые люди тут»⁶.

Действия Пожарского можно понять и объяснить целесообразностью и крайней необходимостью разведки. Пассивность Трубецкого могла привести к непоправимым последствиям. Главный воевода не имел представления ни о численности врага, ни о расположении его сил. В такой ситуации можно было либо ждать новых неожиданных ударов по русскому лагерю под Конотопом, либо кому-то «вызвать огонь на себя» - рискнуть, ввязаться в сражение, выманить противника в поле. Получить необходимые данные о силах противника и его расположении другими средствами не удалось. Инициатива Пожарского была оправдана, оставался единственный выход – разведка боем. Пожарский, как командир соединения, ближе всех находившегося к противнику, действовал как опытный военачальник небольшого отряда, который идет в бой, понимая, что своей возможной гибелью он может спасти основные силы армии от внезапного и мощного удара врага. Обвинять Пожарского в легкомыслии также нелепо, как утверждать, что под началом князя было якобы тридцатитысячное конное войско. Его задачей была разведка боем, что он и сделал, пожертвовав собой и своими воинами ради спасения всего войска.

«Новгородский хронограф» так рассказывает об этой фазе битвы: «Той же бусорман злочестивый бысть близ неподалеку поприщ за 5 и уведе о сем, и пусти многия полки, и по них и сам идяще. И сразишася меж себя, и бысть бой велий с полудни и до вечера. Той же князь Семен Пожарский многих варвар посекаше и храбрство свое велие простираше. И прииде же день над вечер, окаяннии же варвари бусормени подстрелиша под князем коня, и не успе на другово всести. Тии же татарове нападоша множество и ухватиша его, и поведоша пред нечестиваго царя хана»⁷.

В результате обходных маневров крымцев, конный отряд князя Пожарского (не более 6 тыс. воинов), попал в кольцо, окруженный всей крымско-татарской ордой (не менее 30 тыс. чел.). Бой происходил в поле, там, «где стоял крымской хан с татарами».

Гетман Беспалый позднее сообщал царю о гибели своих казаков. Он написал, что посылал верных Государю «полковников двух Григорья Иванова и Михайла Козловского с Войском Запорожским с двумя тысячами людей; и на том, Государь, бою при князь Семене Петровиче Львове и князе Семене Романовиче Пожарском всех смертно побито,

насилу, Государь, через войска Выговского и татарские несколько десятков человек пробились в войско до табору»⁸.

«Новгородский хронограф» в гибели конницы Пожарского прямо обвиняет Трубецкого: «И како бой бысть с царем ханом, и посылаше (Пожарский – *И.Б.*) весть к боярину князь Алексею Трубецкому с товарищи, и он о сем отказал: «Своею-де волею ехал, тако и промышляй, и я ему помогать не буду»⁹.

Если это не вымысел автора хронографа, то возможно имевший место конфликт между воеводами получил отражение в соборном деянии об уничтожении местничества от 12 января 1682 года: «... и от того их (воевод – *И.Б.*) несогласия многий упадок ратным людям учинился, а именно под Конотопом и под Чудновым, и в иных многих местах»¹⁰.

На утро после битвы хан приказал привести к себе пленных русских воевод. Мухаммед-Гирей не был воином. Князь Семен Романович Пожарский, отличавшийся богатырским сложением, увидев невзрачного и трусоватого «крымского царя», выказал к нему свое полное презрение.

Согласно Величко, если конечно данный факт имел место, князь оскорбил Мухаммед-Гирея, «выбрав хана обычаем московским», и плюнул хану в глаза¹¹. Хан тут же приказал отрубить Пожарскому голову. Оскорбление врага в то время было не столько грубостью, сколько вызовом, свидетельством доблести героя. До наших дней дошла «Песня о гибели Семена Пожарского»¹², в которой речь князя перед ханом напоминает слова былинного богатыря Ильи Муромца, обращенные к Калину-царю.

«Новгородский хронограф» повествует о том, что Пожарский стал обличать «варварское богомерское житие» хана. Той же царь повеле его всячески томлении от православной веры отогнати и в свою бусурменскую веру привести. Той же князь крепце царя обличаше, яко ж крепкий адамант, прещения и мечения ни в чем не утрашися, крепце пострада, и положивый душу свою за церкви божия и за благочестие великого государя и за православную христианскую веру и за все православных христиане»¹³.

Сотник Нежинского полка П.Забела позднее рассказывал русским о том, что «окольные воеводы князь Семен Романович Пожарской да князь Семен Петрович Львов под Конотопом на бою взяты живы и приведены к хану, и хан росспрашивал окольного князя Семена Романовича по татарской побой (погром им татар на Дону в 1646 г. – *И.Б.*), а про какой побой, того неведомо, и окольной Князь Семен Романович хану говорил противно, и изменнику Ивашку Выговскому измену ево выговаривал при хане, и за то хан окольного князя Семена Романовича велел перед собою казнить, а окольного князя Семена Петровича Львова хан возит с собою скована»¹⁴. Т.е. непосредственный очевидец

события ничего не сообщает о плевке князя в лицо хану, но не отрицает дерзкое поведение пленного Пожарского.

Турецкий историк XVII века Наима Челеби записал, что все русские пленные (от 500 до 1000 чел.) были казнены на следующий день после битвы. Утром 29 июня хан Мухаммед-Гирей повелел своим воинам «приступить к кровопролитию. Пред палатой ханской отрубили головы всем значительным пленникам (вероятно, доставшимся хану и другим князьям): после чего и каждый воин порознь предал мечу доставшихся на его долю пленников»¹⁵.

Памятником Конотопского сражения ныне является Свято-Вознесенский кафедральный собор в Конотопе с приделом во имя Сорока мучеников. На этом месте в 1667 году, по приказу гетмана И. Брюховецкого, в память о православных воинах, погибших в битве с врагами и изменниками, была построена деревянная Вознесенская церковь, известная в народе более под именем Сорокосвятской¹⁶.

Особое внимание стоит обратить на то, что согласно «Новгородскому хронографу», князь Пожарский положил «душу свою за церкви божия и за благочестие великого государя и за православную христианскую веру... И той храбрый и терпеливый воин мучения кончину прият, и царству божию наследник бысть»¹⁷.

Вопрос о почитании благоверного князя Семиона Пожарского.

Попытки отыскать сведения о благоверном князе Симеоне Пожарском в богослужебных книгах успехом не увенчались. Тем не менее, в пользу учреждения местного почитания князя Пожарского, свидетельствует уникальное сообщение австрийского посла А.Мейерберга, бывшего в Москве в 1661 году:

«В 1659 году пал, в передовом полку, в сражении с польским, казацким и татарским войском князь Семен Романович Пожарский. Потомок Ивана, второго сына Всеволода, князя Московского, человек, отягченный безчестными делами и преступлениями и недавно снискавший себе дурную известность убийством жены; и **Алексей Михайлович торжественно причислил даже его к мученикам, и в честь его ныне бывает особенное богослужение в церкви** (выделено мной – *И.Б.*)»¹⁸.

Тут стоит отметить, что на самом деле никакого «убийства жены» не было. Вдова князя Семена Романовича - Евдокия Васильевна Пожарская (в девичестве Третьякова) на сорок лет пережила мужа и скончалась в Московском Ивановском женском монастыре около 1700 года, когда ее земли отошли названному монастырю¹⁹. Этот факт, также как отсутствие малейшей информации о «противоправном поведении» Пожарского в документальных источниках, приводят к выводу о том, что Мейерберг писал со слов

недоброхотов князя. Слова о «преступлениях» и «бесчестных делах» князя Пожарского являются не более, чем клеветой, и не находят подтверждения в источниках.

Комментируя реплику А.Мейерберга о Пожарском, современный российский историк А.А.Булычев пишет: «Думается, что негодование Мейерберга, старательно передавшего в своих мемуарах самые грязные сплетни о Пожарском, вызывал не столько моральный облик новопрославленного князя, сколько сам факт существования у православных «схизматиков» подлинных святых. Именно последняя причина побудила его после филиппики по адресу С.Р.Пожарского еще с большим сарказмом обрушиться на преподобного Сергия Радонежского и сотворенные им чудеса»²⁰.

Знаменитый церковный историк профессор Е.Е.Голубинский в своей классической работе «История канонизации святых в Русской церкви» дает следующее определение канонизации: «Канонизация есть причтение церковью какого либо усопшего подвижника благочестия к лику ее святых»²¹. Общецерковное почитание святых хорошо известно, князя Семиона Пожарского среди общерусских святых нет. Скорее всего, он являлся местночтимым святым, возможно даже в рамках одного собора.

Как отмечает игумен Андроник (Трубачев) в своей статье о канонизации святых, местным празднование будет даже в том случае, если оно «совершается только в одном храме (монастыре)»²².

Обратим внимание на то, что в XVII столетии одной мученической гибели князя за православную веру было «мало» для его официальной канонизации РПЦ, поскольку «единственным общим основанием для причтения усопших подвижников благочестия к лику святых служило в нашей церкви с самого ее начала и до позднейшего времени прославление подвижников даром чудотворений»²³. Подвижник благочестия мог прославиться даром чудотворений как при жизни, примеры чего известны, так и после смерти (большой частью). Попытки отыскать тело князя Пожарского на поле битвы, предпринятые русскими служилыми людьми осенью 1659 года, успехом не увенчались, место его захоронения неизвестно. Отсутствие телесных останков или мощей не позволило прославлять их как источник чудотворений, сделать их предметом чествования и поклонения как святыни. Могила Пожарского осталась неизвестной. Соответственно не было и очевидцев чудес, совершавшихся при гробе подвижника благочестия.

«Право местной канонизации как в теснейшем, так и в обширнейшем смысле слова, принадлежало епархиальному архиерею, под условием, как нужно думать... дозволения от главы русской церкви митрополита – патриарха»²⁴. Позиция опального патриарха Никона в этом вопросе неизвестна. Никон лично знал князя Пожарского, поскольку последний входил в ближний круг царя Алексея Михайловича. Согласно «Дворцовым

разрядам» князь Семен Романович нередко приглашался к столу государя вместе с патриархом. Если инициатива канонизации Пожарского принадлежала царю, то Никон мог воспротивиться ей лишь по причине личного конфликта с Алексеем Михайловичем. Данный конфликт мог послужить препятствием для общецерковного почитания князя Пожарского.

Так было ли местное почитание? Возвращаясь к словам А.Мейерберга, повторим, что царь «торжественно причислил... к мученикам» князя Семена Пожарского и «в честь его ныне бывает особенное богослужение в церкви».

Согласно известной работе церковного историка Е.Е. Голубинского: «Канонизированный или настоящий святой есть всякий святой, которому установлено и совершается празднование, будет ли он общий или местный, известно или неизвестно время установления празднования ему (под ненастоящими святыми мы разумеем святых, которым не установлено празднования или которые не канонизированы, но которые признаются святыми и почитаются за таковых от народа)»²⁵.

В связи с изложенным напрашивается вывод о том, что подготавливаемая официальная общецерковная канонизация нового страстотерпца, благоверного князя Семиона Пожарского, по каким-то причинам не состоялась.

Этими причинами (или всей совокупностью причин) могли следующие:

- отсутствие свидетельств того, что при жизни благоверный князь Семион обладал даром чудотворений - в то время необходимым условием для того, чтобы подвижник был причислен к лику святых;

- отсутствие его телесных останков или мощей, что в свою очередь не позволило прославлять их как источник чудотворений; сделать предметом чествования и поклонения как святыни;

- возможное неодобрение опального патриарха Никона, обиженного на царя Алексея Михайловича, но даже в изгнании остающегося главой Русской православной церкви;

Поскольку обретения мощей усопшего не произошло, а день его рождения вряд ли был известен современникам, вероятнее всего описанное Мейербергом богослужение совершалось в день кончины Пожарского – 29 июня (9 июля – по новому стилю). Согласно тому же Е.Е. Голубинскому: «Днем для ежегодного празднования святому обыкновенно назначался день его кончины, если был известен, если нет, то день обретения мощей (если таковое имело место, день рождения, день ангела)»²⁶.

Впрочем, исторические источники все же сохранили одно «чудо», связанное с именем князя Семена Романовича Пожарского, а именно чудесное обретение Борколабовской иконы Пресвятой Богородицы.

Князь Пожарский и чудесное обретение Борколабовской иконы Пресвятой Богородицы.

В первые годы войны с Речью Посполитой (1654-55 гг.) князь Семен Романович Пожарский являлся воеводой Сторожевого полка в составе русской армии под командованием князя А.Н. Трубецкого и принимал участие в двух походах на Литву. С одним из этих походов (вероятнее всего походом 1655 года), связана почти легендарная история - обретение почитаемой в православной церкви Борколабовской иконы Божией Матери.

В летнюю кампанию 1655 года армия князя А.Н.Трубецкого подошла к Старому Быхову, осада которого продолжалась до 26 июля. Не снимая осады, оставив под городом полк солдатского строя и часть казаков, князь Трубецкой выступил к Слуцку²⁷. За 8 верст до Слуцка навстречу русским вышли литовские и немецкие хоругви. Противник был разбит, остатки его отрядов бежали под защиту города. 26 августа Трубецкой был под Слуцком. Губернатор города отказался сдаться. Русские, не задерживаясь, пошли дальше к Слониму. 29 августа в селе Тинковичи были взяты языки, которые сообщили о наличии неприятеля в Клецке, до которого оставалось 15 верст. Когда войско отошло от Тинкович примерно 10 верст, неожиданно прибежали люди с обозов полка Трубецкого, сказав, что «пришли в Тинковичи по слущкой дороге литовцы и стали бить отставших с обозами». Трубецкой послал против врага князя Пожарского с его полком, дав ему также сотни и рейтарские роты из своего полка и полка князя Долгорукова, приказав разбить неприятеля.

В тот же день у Пожарского с литовцами был бой у Тинкович, противник был разбит наголову, взяты «языки». Князь преследовал бежавших литовцев 7 верст до болота²⁸. В плен были взяты ротмистры, поручики и рейтары - всего 172 чел., знамена и литавры. Кроме того, удалось отбить ранее взятых в плен русских людей. Пленные литовцы показали, что разбитые под Тинковичами 11 хоругвей посполитого войска (более 1 тыс. чел.) были посланы из Новой Мыши воеводой Новогрудка Петром Вяжевичем.

4 сентября Трубецкой, встав лагерем у Клецка (в 50 верстах от Слуцка), оставил у себя пехотные полки, 4 сотни дворян и 2 роты рейтар, а «товарищей своих послал войною до Слонима по невоеванным местам» уничтожать отдельные отряды противника, продолжающие оказывать сопротивление. Воеводы ходили «за Слоним верст за 20», взяв замок Мир и другие небольшие города. К 10 сентября конные полки вернулись в лагерь, по пути овладев Слонимом. Дождавшись своих, Трубецкой повернул со всей армией к

Клецку. Осенью 1655 года полки Трубецкого вернулись в Могилев. Военные действия продолжались только под Слуцком и Старым Быховом.

Отметим, что в период осады войском князя Трубецкого Старого Быхова лагерь русских располагался в 8 км. севернее города, у Борколабовского монастыря на берегу Днепра.

Борколабовский (Барколабовский, Баркулабовский) в честь Вознесения Господня женский монастырь был основан в 1623 году в Оршанском повете, усилиями мстиславского подкомория Богдана Стеткевича и его супруги Елены (дочери князя Богдана Соломерецкого), при участии могилевского епископа Сильвестра (Коссова). При первом настоятеле монастыря, игуменье Фотинии (Киркоровне), в 1648 году была построена деревянная Вознесенская церковь (освящена в 1649 году), затем храм во имя св. Иоанна Предтечи с приделом свт. Николая Чудотворца.

С 1659 года в обители особо почиталась Борколабовская икона Божией Матери, получившая название по своему местонахождению.

Согласно преданию, в 50-х гг. XVII в., «во время военных действий царя Алексея Михайловича на территории Великого княжества Литовского, образ был взят русским войском под предводительством некоего князя Пожарского, вероятно в одном из храмов Центральной или Западной Белоруссии. Когда войско в 1659 г. подошло к стенам Борколабовского монастыря, обоз, в котором находился образ, недвижимо стал и лошади, несмотря на усилия возничих, не могли тронуться с места. Тогда русское войско оставило икону Божией Матери в монастыре у игуменьи Фотинии (Киркоровны)»²⁹.

Единственный из князей Пожарских, который принимал заметное участие в боевых действиях в Белоруссии в 50-е годы XVII века, – это воевода князь Семен Романович Пожарский.

Автор статьи в «Православной энциклопедии» Ю.А. Пискун, как впрочем и некоторые другие исследователи, отрицают причастность князя С.Р.Пожарского к обретению иконы: «сведения о Борколабовской иконе носят легендарный характер: в 1659 г. военных действий в белорусском Приднепровье не было: связь Борколабовской иконы с князем Пожарским, имя которого не указано (кн. Семен Романович Пожарский не мог возглавлять русское войско в Белоруссии, т.к. к этому времени погиб в крымском плену), вероятно, является аллюзией на чудесную помощь иконы Божией Матери кн. Димитрию Пожарскому во время освободительного похода на Москву в 1612 г.»³⁰.

Данное утверждение можно оспорить по всем основным пунктам:

Во-первых, стоит отметить, что в отношении отсутствия боевых действий в белорусском Приднепровье в 1659 году автор заблуждается – как раз в это время русские войска осадили Старый Быхов, который был взят штурмом в декабре 1659 г.

Во-вторых, 11 июля (по старому стилю) 1659 года князь С.Р. Пожарский действительно не мог быть в Белоруссии, так как уже погиб. Однако точно известно, что он, вне всяких сомнений, был под Старым Быховом и в окрестностях Борколабовского монастыря четыре года ранее.

В-третьих, любые аллюзии на Смутное время в Московском государстве (также как на князя Дмитрия Пожарского) маловероятны, поскольку события 1612 года в России не имели большого значения для белорусского Приднепровья, входившего в те времена в состав Великого княжества Литовского.

И, кроме того, есть еще один важный момент:

Икона относится к иконографическому типу Одигитрия, написана темперой на доске по левкасу. Она является одним величайших шедевров белорусской школы иконописи и вместе с тем сохраняет выразительные черты его древне-византийского прообраза. «По стилистическим признакам (образ – *И.Б.*) может быть причислен к выдающимся памятникам белорусской иконописи 1-й пол. – сер. XVII в. и соотнесен с произведениями иконописи Слуцка (слуцко-полесской школы) – главного центра Православия в Белоруссии в тот период»³¹.

Если обратить внимание на направление движения войска князя А.Н. Трубецкого в походе на Литву 1655 года (в составе которого был и князь Семен Пожарский), а именно: Старый Быхов- Слуцк- Тинковичи- Клецк- Слоним- Клецк- Слуцк – Старый Быхов, то нетрудно заметить, что обретенная икона была создана неизвестным иконописцем в тех местах, где пролегал путь русской армии. Нет ничего необычного в том, что выдающееся произведение слуцкой иконописи могло находиться в одном из храмов или частных владений (дворцов и усадеб) центральной Белоруссии, пострадавших или даже сгоревших в ходе боевых действий.

Князь Семен Пожарский, возвращавшийся из Литовского похода осенью 1655 года, вполне мог отдать спасенную от гибели икону в Борколабовский монастырь в указанное время, где о ней «забыли» до 11 июля (24 июля по новому стилю) 1659 года.

Гибель Пожарского под Конотопом 29 июня (9 июля) 1659 года и, вероятно, широко распространившиеся слухи о его возможной канонизации привели к тому, что «обретенная» икона, со временем, стала одним из самых почитаемых образов Божией Матери в Восточной Беларуси. В том, что лошади, которые везли обоз с иконой, остановились у стен монастыря и отказывались сдвинуться с места, люди увидели чудо.

Богородица чудесно явила свою волю об оставлении иконы в данной обители³². По преданиям, этот образ прославился многими чудесами. Празднование иконе совершается 24 июля (11 июля по юлианскому календарю).

«Борколабовская икона первоначально была помещена игум. Фотинией в центре Вознесенской церкви монастыря, в следующую ночь икона чудесным образом переместилась к стене храма. В дальнейшем образ находился летом в Вознесенской церкви, а зимой в церкви во имя св. Иоанна Предтечи в особых высоких золоченых киотах, напротив клироса»³³.

На поклонение образу в Борколабовский монастырь стекались паломники не только православного вероисповедания, но и униаты и католики. Образ прославился чудесами во время Северной войны и войны 1812 г. В 1882 г. Вознесенский храм сгорел, но чудотворный образ, иконостас и утварь были спасены от пожара. Чудотворная икона пережила все войны XVII- XX столетий и все гонения на религию, включая советские времена.

После 1920 г. Борколабовский монастырь закрыли. Во время Великой Отечественной войны Борколабовскую икону сохранили бывшие инокини монастыря (по другим устным сведениям, образ находился в часовне на железнодорожной ст. Быхов). В 1953 г. перед праздником Пасхи чудотворный образ был принесен в церковь Св. Троицы в Быхове и помещен в специальный пристенный киот»³⁴, где и хранится до сих пор.

Таким образом, если отнести события, связанные с обретением иконы, к 1655 году, то они могут иметь отнюдь не «легендарный характер». Князь Семен Пожарский действительно мог обрести образ Богородицы в окрестностях Слуцка, а затем, возвращаясь из похода в Литву, оставить его в Борколабовском монастыре. Прославление иконы в июле 1659 года непосредственно связано с гибелью Пожарского под Конотопом, поскольку известия о его героической гибели и слухи о вероятной предстоящей канонизации несомненно дошли и до Борколабовской обители.

Тропарь и кондак благоверному князю Семиону Пожарскому.

Как выше было отмечено, в приложении к одному из списков Летописного свода 1652 г. имеются тексты тропаря и кондака, специально составленных «новому страстотерпцу... благоверному князю Семиону Пожарскому»³⁵.

Список Летописного свода 1652 года, сохранившийся в собрании рукописных книг Российской Государственной Библиотеки (Ф.722. Оп.7. Д.320), относится к середине-второй половине XVIII века. Текст написан на бумаге русского производства с

филигранью (водяным знаком), позволяющим достаточно точно датировать время ее изготовления. Филигрань, по исследованию С.А.Клепикова за № 519³⁶, представляет собой буквы «РФ» - на левой стороне и «МП» - на правой стороне листа, в незаконченных снизу ромбовидных картушах. Буквы расшифровываются следующим образом: «Рольная Фабрика» и «Максим Переяславцев». Известно, что семья Переяславцевых в 1735 году основала две бумажные фабрики в Угличе. Обе фабрики держались в роду до конца XVIII века. Указанная филигрань датируется 1743 годом. Таким образом, рассматриваемый список летописного свода 1652 года был переписан с более раннего текста не ранее 1743 года.

Рукописная книга включает в себя 376 листов, написанных отдельной скорописью разных почерков и полууставом с элементами скорописи (текст л.л.1-372, остальное - чистые листы). Переплет – картон, оклеенный бумагой, с корешком из мешковины. Края переплетных крышек потрепаны. Текст рукописи заключен в прямоугольную рамку. В тексте имеются подчеркивания, замечания на полях. Инициалы киноварные. На л. 367 об. имеется владельческая надпись «Сия книга Аксеньева», а также записи «капитан Яков Аксеньев», а ниже «Ваш милостивого государя покорный слуга Павел Аксеньев». На ряде листов датировка «1799» и «1834». На л.353 об., повторяющиеся записи: «Сия книга города Покрова». Уездный город Покров, являющийся городом с 1778 года (ранее – село), в XIX веке находился во Владимирской губернии.

Известно, что некий Яков Аксентьев учился в Голландии и Англии орнаментации и столярному делу. Он был послан туда как пансионер императором Петром I до 1720 г. Возможно книга первоначально принадлежала ему. Он же мог быть и переписчиком текста XVII века.

Летописный свод 1652 года описывает события, происходившие в Московском государстве до 1648 года и заканчивается (на л. 336) записями о свадьбе царя Алексея Михайловича на Марии Милославской и о пожаловании в дворецкие Прокопия Федорова сына Соковнина.

Далее, на листах 336-336 об., неизвестным автором записаны тропарь и кондак «новому страстотерпцу благоверному князю Симеону Пожарскому». Таким образом, сохранились прямые свидетельства о том, что заинтересованными в канонизации князя Пожарского лицами, на пути прославления нового мученика, были предприняты определенные шаги, а именно, - составлена служба названному подвижнику благочестия.

«Причтение какого-либо подвижника благочестия к лику святых требовало, чтобы составлена была служба ему и было написано житие его. Служба нужна была для того, чтобы по ней совершаемо было празднование святому; а что касается до жития, то оно

нужно было как оправдательный документ относительно того, что канонизированный святой был истинный святой»³⁷.

Было ли составлено житие благоверного князя Семиона неизвестно, но имели место случаи составления службы (тропарь, кондак, стихирь, канон) до того, как был канонизирован усопший. «Очень не редко, если не большею частию, было так, что житие святого и служба ему готовы были к его канонизации... канонизации некоторых святых предшествовал период «почитания», начинавшийся со дня кончины. **Вопрос о канонизации этих святых был почти, что заранее решенный вопрос и состоял только в том: скоро или не скоро она (канонизация) совершится** (выделено мной – И.Б.)»³⁸.

Вместе с тем, общественные службы почитаемым усопшим не могли совершаться во всей церкви. «Само собою понятно, что службы святым, составленные до их канонизации, не могли иметь общественного употребления, ибо нельзя совершать общественной службы святому, который еще не признан святым. Но допускалось их частное употребление: люди, имевшие веру к неканонизированным подвижникам, как к достойным молитвенникам пред Богом, могли совершать по ним моления последним домашние или келейные»³⁹.

Канонизация носила характер длительного процесса, подготовительный этап мог продолжаться годами. «Если житие подвижника и служба ему были приготовлены до канонизации, то при возбуждении дела о сей последней, они представляемы были церковной власти, которая рассматривала их, в случае нужды исправляла и одобряла»⁴⁰.

При анализе текста тропаря новому страстотерпцу князю Семиону Пожарскому видно, что в основу его положен тропарь св. мученика Андрея Стратилата (глас 5, память мученика празднуется 1 сентября или 19 августа ст. ст.):

«Земнаго сана славу оставив,/ Небесное Царство наследовал еси,/ кровными каплями, яко пречудным камением,/ нетленные венцы украсил еси/ и ко Христу привел еси собор страстотерпец./ С лики ангельскими в невечернем свете/ незаходимаго Солнца Христа обрел еси,/ святе Андрее Стратилате,/ Егоже моли с пострадавшими с тобою присно, // да спасет души наша».

В схожести двух тропарей нет ничего удивительного, каноническая традиция предъявляла к текстам определенные требования, тем более, что мученическая кончина святого Андрея Стратилата и князя Семиона Пожарского давала повод к аналогиям. При этом автору не нужно быть оригинальным, достаточно было составить службу по известному образцу. «Требования к ним (текстам – И.Б.) были самыми скромными: мало-мальски и сколько-нибудь жития и каноны написаны были «по образу и по подобию»⁴¹.

В результате проведенного исследования можно сделать вывод о том, что в память князя Семена Романовича Пожарского, на протяжении ряда лет после его гибели, в некоторых храмах (или одном храме) Москвы совершалось «особенное богослужение» (вероятно панихиды и заупокойные литургии). Особенное богослужение в церкви свидетельствует о «почитании» усопших подвижников добродетели, что является «низшей степенью» их культа против причтения к лику святых. Наличие составленной службы (тропарь, кондак) новому страстотерпцу, благоверному Семиону Пожарскому, свидетельствует об определенных, предпринятых церковью, мерах по подготовке его официальной канонизации. Однако сведений о формальной канонизации, в ходе настоящего исследования, обнаружить не удалось. Тем не менее, как пишет игумен Андроник «бытование памятников, связанных со святым, должно рассматриваться как свидетельство установления ему местного почитания. Благословение епархиального архиерея на местное почитание святого до XVIII в., как правило, не запечатлевалось особыми грамотами, а сохранялось через ежегодное празднование памяти святого и посвященные ему агиографические памятники»⁴².

Таким образом, свидетельств о том, князь Семион Пожарский являлся местночтимым святым, достаточно. Почитание его памяти, вероятно, продолжалось до 1682 года, в условиях некоторого произвола в вопросах канонизации, существовавшего до времени патриарха Иоакима. Как отмечал Е.Е. Голубинский, этот «произвол в составлении списка общепочитаемых святых господствовал до 1682-го года, до издания патр. Иоакимом исправленного Устава, в котором изготовлен был список общепочитаемых святых и нарочитою тщательностью и уже, как все в уставе, при действительном надзоре церковной власти»⁴³. Скорее всего, при составлении списка общерусских святых князь Пожарский не был включен в него, также, например, как благоверный князь Георгий (Юрий) Владимирский, погибший в бою на р.Сить в 1238 году. В то же время нет и никакого официального дела об исключении князя Семиона Пожарского из святцев, если бы он был внесен в них, аналогичного делу об отмене памяти св. княгини Анны Кашинской⁴⁴ (1677-78 гг.).

Однако, вне зависимости от того, был ли князь официально канонизирован или нет, его по праву можно назвать последним русским богатырем, воспетым в народной песне. Несмотря на все попытки отдельных летописцев, авторов записок и историков очернить его образ, в народной памяти он был и остался героем и мучеником, погибшим за православную веру.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

ТРОПАРЬ

ГЛАСЬ “5”

**ПОХВАЛА НОВОМУ СТРАСТОТЕРПЦУ МНОГОСТРАДАЛНОМУ
БЛАГОВЕРНОМУ КНЯЗЮ СИМЕОНУ ПОЖАРСКОМУ.**

ЗЕМНАГО САНА СЛАВУ ОСТАВИВЪ, НЕБЕСНОЕ ЦАРСТВО НАСЛЕДИТЬ ЕСИ,
ПРОТИВНЫМИ КРОВНЫМИ КАПЛЯМИ, ЯКО ПРЕЧЮДНЫМ КАМЕНИЕМ,
НА ГЛАВУ НЕТЛЕННЫЙ ВЕНЕЦЪ СЕБЕ УКРАСИЛ ЕСИ
И ОТ БЕЗБОЖНАГА ЦАРЯ ХАНА КРЫМСКАГО ПРЕЛЕСТЬ ПОСРАМИЛЪ ЕСИ,
ИВАШКА ВЫГОВСКАГО ИЗМЕННИКА И КРЕСТОПРЕСТУПНИКА БОЖИЯ
ЛЖИ ТЪМУ ОБЛИЧИЛ ЕСИ
И КО ГОСПОДУ ПРИВЕЛЪ ЕСИ СТРАСТОТЕРПЕЦЪ.
С ЛИКИ АНГЕЛЬСКИМИ В НЕВЕЧЕРНЕМ СВЕТЕ
НЕЗАХОДИМАГО СОЛНЦА ХРИСТА БОГА ОБРЕЛЪ ЕСИ,
КНЯЖЕ СИМЕОНЕ СТРАТИЛАТЕ,
ЕГОЖЕ МОЛИ С ПОСТРАДАВШИМИ С ТОБОЮ ПРИСНО ДА СПАСЕТ ДУШИ
НАША.

КОНДАКЪ

ГЛАСЬ “3”

НОВОМУ СТРАСТОТЕРПЦУ БЛАГОВЕРНОМУ КНЯЗЮ СИМЕОНУ И ИЖЕ С
НИМЪ ПОСТРАДАВШИМ ОТ БЕЗБОЖНАГО ЦАРЯ ХАНА КРЫМСКАГО И
БОГООТСТУПНИКА

РГБ. Ф.722. Оп.7. Д.320. С.336-336об.

(Собрание рукописных книг. Летописный свод 1652 г. Приложение)

-
- ¹ Булычев А.А. Между святыми и демонами. Заметки о посмертной судьбе опальных царя Ивана Грозного. М., 2005. С.105, 235.
- ² Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России (далее – АЮЗР). СПб, 1863. Т. 4. С. 356.
- ³ АЮЗР. Т. 4. С. 238.
- ⁴ РГАДА. Ф. 229. Малороссийский приказ. Оп. 1. Стб. 28. Л. 236; АЮЗР. СПб., 1892.Т. 15. С. 401-402.
- ⁵ Новгородский хронограф XVII в.// Тихомиров М.Н. Русское летописание. М.,1979. С.304.
- ⁶ Там же. С.305.
- ⁷ Новгородский хронограф XVII в... С.305.
- ⁸ РГАДА. Ф. 229. Малороссийский приказ. Оп. 1. Стб. 28. Л. 237; АЮЗР. Т. 15. С. 401-402.
- ⁹ Новгородский хронограф XVII в... С.305.
- ¹⁰ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Т.2. СПб.,1830. С.372.
- ¹¹ Величко С. Сказание о войне козацкой з поляками. Київ, 1926. Т.1. С. 207.
- ¹² Новолова В. К. Русские исторические песни XVI-XVII вв. 1960. С. 139-140.
- ¹³ Новгородский хронограф XVII в... С.305.
- ¹⁴ РГАДА. Ф.210. Разряд. Оп.13. Столбцы Приказного стола. №308. Л.177.
- ¹⁵ Казем-бек М. А. Сравнительные извлечения из разных писателей, относящиеся к истории Семи планет // Журнал Министерства Народного Просвещения. СПб, 1835. № 6. С. 357-358.
- ¹⁶ Лазаревский А. М. Описание старой Малороссии. Т. 2. Киев, 1893. С. 210.
- ¹⁷ Новгородский хронограф XVII в... С.305.
- ¹⁸ Мейерберг А. Путешествие в Московию барона Августина Мейерберга в 1661 году// Утверждение династии. История России и дома Романовых в мемуарах современников XVII-XVIII вв. М., 1997. С.110.
- ¹⁹ В 1715 (1667) году сентября 5, упомянута в документах вдова князя Семена Романовича Пожарского – Авдотья Васильевна: «описные книги писал Володимерского уезду вотчины окольничего князь Семена Романовича Пожарского жены его вдовы княгини Авдотьи Васильевны села Якимова церковный дьячок Васька Васильев 1715 года 5 сентября». Ее земли отошли в 1700 году Московскому Ивановскому женскому монастырю.
- ²⁰ Булычев А.А. Указ. Соч. С.105.
- ²¹ Голубинский Е.Е. История канонизации святых русской церкви. М. 1903. С.11.
- ²² Игумен Андроник (Трубачев). Канонизация святых в русской православной церкви // Православная энциклопедия. Русская православная церковь. М.,2000. С.347.
- ²³ Голубинский Е.Е. Указ. Соч. С. 268-269.
- ²⁴ Там же. С. 41.
- ²⁵ Там же. С. 261.
- ²⁶ Там же. С. 287.
- ²⁷ Акты Московского государства (далее – АМГ). СПб., 1894. Т.2. С.437.
- ²⁸ Там же. С. 438.
- ²⁹ Пискун Ю.А. Борколабовская икона Божией Матери // Православная энциклопедия. М., 2003. Т. 6. С. 76.
- ³⁰ Там же. С. 76.
- ³¹ Там же. С. 77.
- ³² Интересный факт: дочь основателя Борколабовской обители Богдана Стеткевича - Елена была второй женой гетмана Ивана Выговского, непосредственно виновного в гибели князя Семена Романовича Пожарского.
- ³³ Пискун Ю.А. Указ. Соч. С. 76-77.
- ³⁴ Там же. С. 77.
- ³⁵ Булычев А.А.Указ. Соч. С.105,235.
- ³⁶ Клепиков С.А. Филигранные и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII-XX вв. М.,1959. С.60.
- ³⁷ Голубинский Е.Е. Указ. Соч. С. 288.
- ³⁸ Там же. С. 288.
- ³⁹ Там же. С. 289.
- ⁴⁰ Там же. С. 291.
- ⁴¹ Там же. С. 292.
- ⁴² Игумен Андроник (Трубачев). Указ. Соч. С.352.
- ⁴³ Голубинский Е.Е. Указ. Соч.. С. 227.
- ⁴⁴ «Во второй половине XX века, в правление патр. Иоакима, имел место случай исключения из святцев одной святой с отменой установленного празднования ее памяти, иначе сказать случай кассирования или уничтожения канонизации. Святая, постигнутая печальной судьбой, была княгиня Анна Кашинская, Иоакимовское дело о которой имеет громкую известность». См. Голубинский Е.Е. Указ. Соч. С. 159.